

ЖИЗНЬ ТЕКСТА И ТЕКСТ ЖИЗНИ (О КНИГЕ НАТАЛИИ ГОНЧАР «ПРИ СВЕТЕ ПАМЯТИ»)

Лилит Суреновна Меликсян

lilit.meliksetyan@rau.am

К.ф.н., профессор,

*Зав. кафедрой русской и мировой литературы и культуры,
Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения*

О Наталье Александровне Гончар мне говорить трудно. И не только потому, что о ней уже много писали и говорили, в том числе люди такого масштаба и обаяния, как Татьяна Михайловна Геворкян, но прежде всего потому, что собственная ее масштабность, глубина и высота личности вызывают восхищенное изумление и – чего уж там – робость.

Оно и понятно.

Именно благодаря стараниям, высокому профессионализму, личной храбрости и деятельной воле Натальи Александровны Гончар на страницах «Литературной Армении» еще в 60-ые годы прошлого века публиковались и моментально разлетались по всему Союзу произведения О. Мандельштама, М. Цветаевой, А. Белого, мемуары А. Эфрон, переводились и представлялись русскоязычной аудитории армянские писатели; обозначались новые литературоведческие подходы и проверялись на прочность старые направления; сформировалась целая плеяды учеников и последователей как в теории литературы, так и в переводческой и литературно-критической практике; именно Наталье Александровне Гончар...

сандровне мы обязаны изданным в Ереване книгам М. Волошина, А. Белого, О. Мандельштама, своду ереванских публикаций о Цветаевой, книге о Чаренце в его перекличках с русской культурой, практически всем значимым сарояновским и сарояноведческим публикациям, включая и собрание сочинений писателя на армянском языке и многому, многому другому.

Когда мы говорим о книгах, изданных Н.А., речь не просто о редакторской подготовке, переводах или бесценных консультациях, а о состыковке, сопоставлении текстов, комментариев, предисловий, – речь о той практически готической композиционной безупречности, благодаря которой «рассудочная пропасть» текстов обретает полно-звукность и живую душу. И это при том, что любая «завитушечность», нарочитая усложненность ей претят. Чураясь пафосности, бьющего на внешний эффект жеста, она тяготеет к той особой простоте, через которую по-тютчевски «сквозит и тайно светится» многозначная мысль или многооттеночное чувство.

И тем не менее ассоциация с готической архитектурой, как мне кажется, не случайна: она возникает из подхода Н.А. Гончар к статье, рассказу, книге или жизни, выстраиваемого из деталей, мелочей и подробностей. В наш век повального увлечения громкими словами, глобальными «концепциями», всякой прочей гигантоманской гилью подобная – ставшая уже почти архаичной – щепетильность может показаться избыточной или непонятной. Но в том-то и состоит совершенно удивительная особенность окоема Натальи Александровны: сосредотачиваясь на, казалось бы, частностях и тонкостях, она никогда не теряет ощущения масштаба, целостности, полноты картины, памятуя, что бог в подробностях.

И в итоговом своем исполнении картина эта оказывается богаче, значительнее, архитектурно вывереннее и несопоставимо глубже всей громкозвучной, внешне вполне представительной шелухи, так что остается только восхищенно угадывать все богатство задействованного

контрапункта, наслаждаться всей тонкостью игры в бисер, мощью итогового симфонического звучания того, что начиналось с отдельных нот, прикдок, стрельчатых арок, эскизов и набросков.

Например, кто бы мог угадать, что из этого самого внимания к деталям в самом начале отстоящих от нас уже более чем на полвека далеких шестидесятых возникнет интерес к творчеству Уильяма Сарояна – тогда еще довольно скучно переведенного, да и не успевшего написать многое из того, что позже войдет в анналы мировой литературы. Возникнет, и как это всегда бывает у Н.А. Гончар, примет заинтересованно деятельную форму, выльется в изучение английского языка, доскональное вживание в сарояновский текст, в его ритмику, рисунок, внутреннюю логику и обращенность к контексту всей американской и – шире – мировой литературы. *Подумать только: в 1962г. в «Литературной Армении» был опубликован сделанный ею перевод замечательного рассказа У. Сарояна «Брат Била Мак-Ги», а уже через год в четырех номерах этого журнала публиковалась одно из лучших и в языковом отношении сложнейших произведений писателя «Что-то смешное. Серьезная повесть». И это при том, что английский был «выучен только за то, что им разговаривал» Сароян.*

Такое удивительное отношение у нее отнюдь не только к Сарояну: с не меньшей требовательностью она искала, находила и продолжает искать и находить людей, которым можно «доверить» Г. Нарекаци, Анри Амиеля, Boehzia, М. Цветаеву, А. Белого, М. Волошина, Е. Чаренца, О. Мандельштама, И. Бродского, Г. Маари, В. Баласана… Ряд неисчерпаем и разновелик, но не суть: в итоге осмыслиается и в какой-то мере преодолевается та самая тоска по мировой культуре, о которой сама Н.А. Гончар никогда не скажет, чураясь высоких слов, не подкрепленных делом, да и в целом искренне не понимая чьей-либо напыщенности и недоумевая именно в силу собственного постоянного, щедрого и –

иначе не скажешь – смиренного и самоотверженного служения литературе.

Речь о смирении особого рода и вот почему. В одной из статей Н.А. можно прочесть: «романтизм – это неуемная жажда свободы, добра, красоты, бурный протест – противоборство – всему, что мешает им, отчаяние и скорбь, когда свобода и добро загублены». Автору этой формулировки романтизма на момент написания статьи было только двадцать с хвостиком, но уже тогда литературоведческое определение оказалось в чем-то автохарактеристикой.

И вот сегодня мы можем приобщиться к еще одной гончаровской публикации – книге особого рода и свойства – книге памяти. Составлена она все с той же готической многомерностью и включает избранные письма с избранными же корреспондентами – Ариадной Эфрон, Николаем Любимовым, Анной Саакянц, Дмитрием Лихачевым, Ритой Райт-Ковалевой и др. Блистательными представителями русской культуры. Вслед за ними идут опять же отобранные, концептуально важные и значимые статьи самой Н.А. – о романтизме, конечно же. О Томасе Вулфе и Сарояне, Белом и Мандельштаме, Гроссмане и Татьяне Геворгян. И наконец третья часть книги включает в себя не только уникальный мемуар о встречах и общении с Сарояном, но и гончаровские переводы сарояновских текстов. И здесь нелишне сказать еще вот о чем. Благодаря Наталье Александровне нам даровано удовольствие читать особого, гончаровского Сарояна. Речь – опять и снова – об уникальном выстраивании целостного образа писателя и его творчества. Сароян оставил чрезвычайно объемное литературное наследие – сотни рассказов, пьес, эссе, повестей, статей... Совершенно очевидно, что речь идет о вещах разноуровневых, продуманных и спонтанных, написанных на взлете сарояновского таланта и случайных – словом, переводчику есть из чего выбирать. И Наталья Александровна выбирает, точнее отбирает, компонует, комментирует, редактирует и переводит Своего Сарояна –

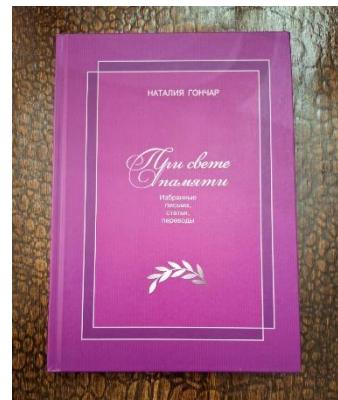
цельного, сумасшедшее талантливого, мудрого и наивного, простого и сложного.

Угадав и расслышав джазовый ритм сарояновской прозы, она так же импровизационно легко вычерчивает русский рисунок его фраз, его интонации и мироощущения. И если сегодня мы говорим о корпусе русских сарояновских текстов, то речь идет не только и даже не столько о переводах Л. Шифферса или Е. Голышевой и Б. Изакова, сколько об интонационно безупречном сарояновском «изборнике» от Натальи Александровны Гончар.

Книга «При свете памяти» действительно про свет – тот, что во тьме светит и тьма не объяла его. В ней со всей полнотой выразились очень важная для Н.А. двоякая русско-армянская оптика и отразились излюбленные идеи – ее и Д.С. Лихачева: Память как основное свойство культуры и обогащение своей культуры в общении с другими.

Книга эта бесцenna еще и потому, что жизнь здесь текст, а текст – жизнь. И в своей целостности она про сопротивление энтропии и смерти, хаосу и разрушению. Не случайно завершают ее сарояновские слова:

Почему я пишу? Для чего пишу я эту книгу? Чтобы сохранить свою жизнь. Чтоб, конечно же, не поддаться смерти... Я пишу, чтобы вспоминали, вы читаете, чтобы не забылось, или что-то в подобном роде.

Информация о статье:

статья поступила в редакцию 02 ноября 2025 г.,
подписана к печати 16 (20) / 2025 – 20.12.2025 г.